

О СОЦИАЛЬНЫХ ИСТОКАХ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА*

М. Д. Карпачев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 апреля 2015 г.

Аннотация: в статье анализируются особенности социального, экономического и политического положения России в первые годы XX в. Определяются достижения и новые проблемы, порожденные особенностями пореформенного развития страны. Дается оценка социальным истокам русской революции.

Ключевые слова: Россия, начало XX века, развитие, особенности, достижения, диспропорции.

Abstract: the article is devoted to the main economic, social and political peculiarities of the Russian Empire at the beginning of the 20th Century. The author analyses the achievements and new problems in Russian economic and political life. The problem of social roots of the Russian revolution is the main point of interest.

Key words: Russia, the beginning of the 20th Century, development, peculiarities, achievements, disproportions.

Вопрос об особенностях развития России в последние десятилетия существования империи продолжает вызывать оживленные споры как в публицистике, так и в современной историографии. Долгие годы советские историки дружно оценивали царствование Николая II как глубоко кризисное, а сокрушившую режим революцию – как событие закономерное и необходимое [1, с. 77–90]. Однако последовавший за распадом СССР отказ от многих идеологических догм привел к появлению работ, утверждающих позитивные оценки развития страны, в том числе и в царствование последнего императора. Пожалуй, наиболее выпукло такой подход проявился в крупных работах Б. Н. Миронова [2, с. 335–356]. Петербургский исследователь привел ряд основательных аргументов в пользу тезиса о неуклонном росте материального благосостояния населения в канун постигших Россию революционных потрясений [3, с. 632–640]. Конструктивная сторона подхода Миронова заслуживает пристального внимания [4, с. 218]. Естественно, однако, что неожиданная позиция Миронова встретила резкие возражения. С ними выступил, в частности, С. А. Нефедов [5, с. 73–86]. Позицию уральского историка поддержал А. В. Островский [6, с. 136–144]. Очевидно, что ключевой вопрос об общем состоянии России на рубеже XIX–XX вв. нуждается в дальнейшем анализе.

Историки и политологи давно подметили, что на стыках столетий политическая жизнь народов отличалась особой насыщенностью. Приход нового века естественным образом возбуждал мечты людей о

благополучном и мирном развитии, процветании своей страны и даже всего мирового сообщества. В такие периоды широко распространяются надежды на силу человеческого разума, на то, что опыт уходящего столетия не будет бездарно растрачен.

В истории России смена веков проходила особенно бурно. Вот и приход XX в. застал русское общество в обстановке высоких ожиданий. Для этого были свои причины. Последние сорок лет уходящего столетия прошли в России под знаком реализации освободительных реформ царствования Александра II. Отмена крепостного права, учреждение местного общественного самоуправления (уездных и губернских земств), устройство современной судебной системы и гуманного судопроизводства, реформы в области экономики, финансов, просвещения и военного строительства имели одну объединявшую их цель – осуществление модернизации России, преодоления ее хозяйственной и культурной отсталости от ведущих стран североатлантической цивилизации. В конце века можно было подводить некоторые итоги такой политики.

Оправдались ли надежды на проведенные реформы? В определенной мере – да. К концу XIX столетия Россия добилась больших успехов на путях экономической и культурной модернизации, страна явно находилась на подъеме. Важнейшим показателем динамичного развития русского общества являлись быстрые изменения демографических показателей. Если к моменту отмены крепостного права (1861 г.) в России проживало около 68 миллионов человек, то первая официальная перепись населения 1897 г. определила его численность в 125 миллионов человек. При этом высокие темпы естественного прироста населения сохранились и в первые годы XX в. В 1905 г. в России проживало уже 150 миллионов человек, а к

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ. Проект № 14-01-00351.

© Карпачев М. Д., 2015

началу Первой мировой войны – около 175 миллионов. Социологи того времени прогнозировали, что в случае сохранения подобной демографической тенденции к середине XX столетия в России может проживать около 350 миллионов человек. Современникам казалось, что у таких прогнозов были весомые основания.

Еще одним важным показателем успехов модернизации страны были высокие темпы развития важнейших отраслей промышленности и путей сообщения. В конце уходящего века в России наблюдался устойчивый рост промышленного производства; последнее десятилетие вообще отличалось бурным подъемом, ежегодный прирост производства достигал тогда 8–10 %. Феноменальных результатов удалось добиться в области железнодорожного строительства. Если перед отменой крепостного права страна практически не имела железнодорожной сети и поражала путешественников ужасающим бездорожьем, то в начале XX в. общая протяженность железнодорожных путей в России превысила 60 тыс. км. В особенно успешное последнее десятилетие века ежегодно вводилось в эксплуатацию почти 3 тыс. км новых железных дорог. Поражали воображение масштабы сооружения Транссибирской магистрали, а затем и Китайско-Восточной железной дороги. Такие гигантские достижения буквально на глазах меняли облик страны. Быстро росли города, возникали новые промышленные районы и современные отрасли производства, в первую очередь машиностроительные и сырьевые. Даже В. И. Ленин, не испытывавший никаких симпатий к самодержавному государственному строю, признал огромные успехи в развитии страны. После отмены крепостного права, отмечал основатель большевистской партии, «развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» [7, с. 174].

Эффективность преобразований была обусловлена их освободительной направленностью. Превращение миллионов бывших крепостных людей из объектов в субъекты права стимулировало рост предприимчивости и хозяйственной инициативы. Если крепостной крестьянин, не обладавший правом собственности, предпочитал скрывать свои доходы и в редких случаях накопления прятал деньги в кубышку, то теперь денежные средства можно и нужно было пускать в оборот. Не случайно, что из среды освобожденного крестьянства начали расти первые кадры русских предпринимателей Мамонтовых, Морозовых, Гарелиных, Гандуриных и многих других. К концу века преуспевающая часть крестьянства скупала значительную часть (до 30 %, или около 30 млн десятин) помещичьих земель и стремилась к развитию товарного сельскохозяйственного производства.

В начале XX столетия крестьянское землевладение по своим общим размерам втрое превосходило землевладение дворянское (145 млн десятин против 53 млн десятин) [8, с. 11–12]. С другой стороны, освобожденное от личной зависимости крестьянство быстро возрастало количественно и на долгое время стало огромным резервом дешевой рабочей силы, что также создавало благоприятные условия для начала русской индустриализации.

У промышленных успехов России был еще один, не менее важный источник. Он заключался в том, что организовавшее реформы правительство не собиралось играть роль наблюдателя за ходом хозяйственной жизни страны. Напротив, российское министерство финансов в ту эпоху превратилось в могущественный центр координации и руководства процессами экономической модернизации. Русские министры финансов (от М. Х. Рейтерна до И. А. Вышнеградского и С. Ю. Витте), определяя стратегию своей политики, неизменно исходили из убеждения в том, что в нашей стране государственная власть не могла допустить бесконтрольного действия законов свободного рынка. «В России, – писал в 1895 г. С. Ю. Витте, – по условиям жизни нашей страны, потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличало ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность... Таким образом, функции государственной жизни в этих двух странах совершенно различны, а в зависимости от сего должны быть различны и требования, предъявляемые в них к лицам, стоящим на государственной службе, т.е. к чиновникам. В Англии класс чиновников должен только направлять частную деятельность, в России же, кроме направления частной деятельности, он должен принимать непосредственное участие во многих отраслях общественно-хозяйственной деятельности» [9, с. 34].

По убеждению русских экономистов и политиков высокая ответственность государственного регулирования в России предопределялась ее общей экономической отсталостью, положением страны «второго эшелона». Полная свобода предпринимательской деятельности и внешняя открытость привели бы к неминуемой интервенции на русские рынки более дешевых и качественных изделий зарубежной промышленности. Русское же правительство стремилось тогда к созданию основ отечественной индустрии, поэтому оно не желало упускать инициативу и взяло курс на целенаправленное государственное стимулирование развития собственной промышленной базы. Проводился такой курс по нескольким направлениям. Правительство прежде всего старалось оградить отечественную промышленность от нежелательной

и опасной конкуренции с помощью жестких протекционистских мер, т.е. создания таможенных барьеров против нежелательного импорта европейских товаров. Особенно отчетливый характер политика таможенного протекционизма приобрела в последние два десятилетия XIX в., в пору наиболее высоких темпов экономического роста отечественной индустрии.

Более того, государственная власть в России неоднократно вставала на путь прямой финансовой поддержки особо важных для страны отраслей промышленности. Прямые и скрытые субсидии щедро раздавались главным образом оборонным предприятиям, железным дорогам, учреждениям связи и т.п. Для таких отраслей создавались поистине тепличные условия развития, поэтому они фактически не знали банкротств и могли позволить себе расточительные расходы. Русские военные, например, могли не беспокоиться о затратах на сооружение заказанного государством очередного броненосца. Если в странах Западной Европы военно-морские ведомства, размещая свои заказы, тщательно изучали вопросы стоимости новых вооружений и просто обязаны были выбирать для себя оптимальные варианты, то русские производители были уверены: все их затраты бюджет покрывает полностью. Особенно наглядно политика активного государственного покровительства проявлялась в предоставлении правительственных гарантий акционерным обществам по сооружению железных дорог. Доходность акций крупных (или признанных особенно важными) железнодорожных компаний обеспечивалась министерством финансов на пятипроцентном уровне даже в том случае, если дорога оказывалась убыточной. Благодаря таким мерам железнодорожное строительство не имело недостатка в притоке инвестиций. Такая же помощь щедро предоставлялась и другим стратегически важным предприятиям.

Промышленному росту способствовала и финансовая стабильность, достигнутая российским правительством к концу столетия. Мероприятия по укреплению финансовой системы завершились введением в 1897 г. золотого обращения русского рубля. Это означало введение еще при министре финансов С. Ю. Витте свободного размена бумажных денег на золото по паритетному коэффициенту 1 : 1. Таким образом была установлена зависимость стоимости рубля не от курса иностранных валют, а от собственных активов государства, прежде всего золота. Твердый характер отечественной валюты обеспечивал ее свободную конвертируемость на мировых финансовых рынках.

Благодаря сильному государственному стимулированию, в российскую промышленность охотно шел иностранный капитал. Особенно масштабными были иностранные капиталовложения в новейшие и самые

доходные отрасли промышленности. В России хорошо знали, что колоссальная Транссибирская магистраль, которую можно было считать символом экономических успехов страны на рубеже веков, была, как говорили в обществе, в значительной степени построена «на средства берлинских кухарок». Русские ценные бумаги рассматривались в Европе как удобная, надежная и весьма доходная форма вложения частных сбережений. Иностранный капитал имел очень сильные позиции в горнодобывающей, электротехнической и машиностроительной отраслях молодой русской промышленности.

Однако за фасадом действительных достижений скрывалась очень противоречивая и даже тревожная картина. К началу XX в. в экономике страны стали проявляться тяжелые диспропорции. Через сорок лет после проведения крестьянской реформы 1861 г. выяснилось, что надежды реформаторов на процветание сельского хозяйства оправдались далеко не полностью. Сначала в печати, а затем и в правительственных сферах все громче и отчетливее зазвучали голоса о том, что деревня центральных губерний России переживает процесс хозяйственного оскудения. С огромными экономическими потерями встречало новый век российское дворянство. За три-четыре десятилетия после отмены крепостного права разорились десятки тысяч помещичьих имений, а размеры частного дворянского землевладения сократились почти на 40 %. Первое сословие России быстро теряло свои позиции и растворялось в других социальных группах. При этом положение крестьянства Европейской России тоже оказалось незавидным. Наблюдатели фиксировали прискорбный факт: экономическая деградация дворянства сопровождалась ухудшением материального положения большинства крестьянских хозяйств. Огромные массы русского крестьянства вели скудное существование и нередко оказывались на грани нищеты. В начале 1890-х гг. в стране начался бурный промышленный подъем, и в то же время либеральная общественность принимала экстренные меры для борьбы с поразившим 22 губернии Центральной России голодом. Голодали при этом не городские жители, а основные производители продуктов питания – крестьяне. Причин такого тяжелого неблагополучия было много.

Прежде всего, выяснилось, что освобожденные от крепостной зависимости крестьяне плохо приспосабливались к происходившим в стране переменам. Их материальные ресурсы, в принципе, оказались недостаточными для нормального воспроизводства. Особенно тревожным было положение с обеспеченностью крестьян землей. Сразу после освобождения крестьянам было выделено около 110 миллионов гектаров земли, что обеспечивало средний по стране душевой надел размером примерно в пять гектаров. Во второй

половине XIX в. сельское население России быстро росло, и к концу столетия оно фактически удвоилось. Благодаря содействию Крестьянского поземельного банка и за счет покупки дворянских земель площади крестьянского землевладения несколько увеличились, составив в начале XX в., как выше отмечено, около 150 миллионов гектаров. Но средний душевой надел сильно понизился и не превышал теперь 2,6 десятины (1 дес. = 1,1 га). В России накануне революции 1905 г. числилось около 15 миллионов сельских дворов при среднем составе крестьянской семьи в 6–7 человек. При быстром росте населения и сильном снижении размера среднедушевого надела все острее вставала проблема крестьянского малоземелья. Эту проблему активно поднимала русская революционная интеллигенция, настаивавшая на скорейшей национализации всей земли и передаче ее в руки крестьянства на началах уравнительного пользования.

Жалобы на малоземелье широко распространились среди крестьян. Не случайно, что в их среде время от времени начинали циркулировать слухи о радикальном «черном переделе», в ходе которого власть должна была произвести дополнительное наделение крестьян землей за счет, естественно, других собственников. Такого рода слухи несколько раз активизировались в начале XX в., в частности, во время революции 1905 г., а также в 1912 и 1913 гг., когда в России отмечались юбилеи Отечественной войны и 300-летия Дома Романовых. Русское крестьянство в большинстве своем не испытывало уважения к частной земельной собственности. Такое отношение было в значительной степени порождено самим правительством, которое в процессе отмены крепостного права, по сути дела, произвело принудительное перераспределение земельной собственности. Оно обязало дворян наделить крестьян землей по определенным высшей бюрократией нормам, а затем принудило крестьян выкупить ее с помощью специально разработанной выкупной операции. Крестьяне России хорошо усвоили ту истину, что власть может производить перераспределение земельной собственности, стоит только хорошенько напомнить ей об этом.

Однако малоземелье было только внешним выражением крестьянских экономических трудностей. Само малоземелье можно считать понятием относительным. По меркам густонаселенных европейских или азиатских стран обеспеченность землей в России была вполне достаточной, даже если учесть ее суровые природно-климатические условия. Очевидно, что при оценке хозяйственного положения крестьян надо исходить не только из количества имевшейся у них земли. Не менее важно оценить качественную сторону крестьянской экономики: урожайность, доходность, эффективность и т.п., поскольку, вообще говоря, при плохом хозяйствовании любых земельных

площадей может не хватить. Так вот с показателями эффективности дела у русского крестьянства в начале XX в. обстояли особенно плохо. Например, средние ежегодные сборы озимой ржи, главной в ту пору продовольственной культуры, составляли на крестьянских наделных землях за период 1901–1910 гг. всего около 8 центнеров с гектара. При этом более продуктивные культуры (например, пшеницу) крестьяне предпочитали не сеять, опасаясь трудностей ее возделывания. На очень низком уровне оставалась культура земледелия. По-прежнему господствовал дошедший со времен раннего средневековья трехпольный севооборот, минеральные удобрения практически не применялись. Семена высевались вручную, из лукошка, набор сельскохозяйственных орудий оставался у крестьян до крайности скудным. В такой ситуации колебания урожайности всецело зависели от Божьего промысла; русский крестьянин продолжал оставаться заложником погодных условий. Суровый континентальный климат России сильно ограничивал производственные возможности русского крестьянства. Ведя тяжелую борьбу за существование, русская деревня не проявляла интереса к демократическим или либеральным политическим ценностям.

Казалось бы, выход из трудного положения русского крестьянства действительно состоял в увеличении площади земельных угодий, шедших под крестьянскую запашку. Такое понимание проблемы вполне соответствовало особенностям исторического развития страны. История России, замечал выдающийся русский историк рубежа XIX–XX вв. В. О. Ключевский, есть история страны, которая колонизируется [10, с. 50]. Привычка искать выход из положения на путях экстенсивности глубоко сидела в сознании русского крестьянства. Такая ментальность естественным образом вытекала из особенностей становления Русского государства, непрерывно расширявшего свои границы на протяжении многих веков.

Но в конце XIX в. прежние возможности решения проблемы были фактически исчерпаны. При этом правительство не могло встать на путь принудительного изъятия частной земельной собственности. Подобный шаг, во-первых, грозил спровоцировать социальный хаос, а во-вторых, правительственные эксперты имели основания считать, что распределительная мера не могла дать существенного улучшения крестьянской жизни. В случае передачи всех частных земель в руки крестьянства прибавка на одну семью оказалась бы незначительной, всего около 1–2 гектаров. Очень скоро естественный прирост населения свел бы результаты такой добавки к нулю.

К началу XX в. многим политикам в России стало ясно, что проблему малоземелья надо было решать с другой, непривычной для русской жизни стороны: повышать продуктивность полей, улучшать культуру

и организацию труда, интенсифицировать производство. Для этого, прямо скажем, нелегкого дела требовалось приложить колоссальные и многолетние усилия государства и всего русского общества. Однако до начала столетия экономические приоритеты русского правительства находились совсем в другой сфере. Грандиозные успехи промышленного развития достигались в большей мере за счет сельского хозяйства, куда практически не поступало никаких капитальных вложений. Перекачивая средства из деревни в города, правительство содействовало возникновению тяжелой диспропорции в жизни страны. «Не доедим, а вывезем» – такую фразу молва долго приписывала министру финансов И. А. Вышнеградскому. «Великая цель требует великих жертв», – уточнял С. Ю. Витте, занявший тот же пост в 1902 г. [11, с. 6]. Долготерпение крестьянства становилось в глазах самодержавия необходимым фактором проведения промышленной модернизации. Жизнь скоро показала иллюзорность таких расчетов.

Руководители российской экономической политики знали о неблагоприятном состоянии сельского хозяйства, но все-таки полагали, что главным объектом их заботы должна была быть промышленность. Лишь достижение определенного уровня индустриального развития, резонно считали они, даст возможность организовать поддержку аграрного сектора страны. Это должно было произойти, по расчетам С. Ю. Витте, не раньше второго десятилетия XX в. Однако социально-экономический кризис, начавшийся в 1900 г., разрушил надежды руководителей экономической политики.

Трудности экономического характера, как обычно бывает в таких случаях, сопровождалась обострением общественно-политических противоречий. Откровенный протекционизм в отношении промышленности вел к установлению неэквивалентного обмена между городом и деревней. А это приводило к тому, что уровень образования, здравоохранения, хозяйственной культуры в русской деревне оставался крайне низким и менялся в сравнении с крепостной эпохой слишком медленно. Контраст в положении города и деревни продолжал углубляться, что грозило стране тяжелыми потрясениями в недалеком будущем.

Модернизация, а точнее европеизация России, естественно, не могла ограничиваться только экономикой. В начале царствования Александра II верхи русской бюрократии совершили поистине гражданский подвиг. При скудных ресурсах, ценой огромного напряжения сил удалось подготовить и провести целую серию масштабных реформ, решительно менявших практически все стороны общественной жизни. Были введены новые судебные уставы, учреждены всесословные выборные органы местного самоуправления (земства), осуществлена перестройка

армии и системы просвещения. Предпринятые преобразования дали мощный толчок развитию общественно-политических инициатив. Но при этом организация государственной власти осталась, по существу, неизменной, такой, какой она сложилась еще в крепостническую эпоху. По этой причине на рубеже веков с большой остротой встала проблема взаимодействия власти и общества.

Расчеты реформаторов на стабилизацию политической системы самодержавия с помощью либеральных нововведений полностью провалились. Напротив, как раз после проведения реформ царское правительство столкнулось с непрерывно нарастающей общественной оппозицией. Очень скоро выяснилось, что пришедшее в движение общество меньше всего склонно благодарить императора Александра II за его реформы. Пробудившиеся поначалу надежды молодой русской интеллигенции сменились глубоким разочарованием, а затем и откровенной враждебностью по отношению к верховной власти.

Причины у такой смены настроений были. Прежде всего, само правительство так и не выработало определенной концепции реформ и не имело ясного представления о конечных целях предпринятых преобразований. Инициаторам реформ казалось, что им удастся улучшить старую авторитарную систему. Однако в обществе все громче звучали голоса о том, что необходимо было менять систему как таковую. На протяжении всего царствования Александра II не прекращались колебания вокруг вопроса о том, как же должна завершиться перестройка и как должно выглядеть общественное и политическое устройство обновленной России. Консервативные силы, представленные такими деятелями, как Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев, С. Г. Строганов и их единомышленники, не без оснований видели в развернувшихся преобразованиях опасную угрозу самодержавию. Но именно с ним они связывали надежды на безопасное и стабильное развитие страны при сохранении традиционных и привычных русскому народу начал. Отказ от самодержавия, предостерегали консерваторы, чреват социальным хаосом и распадом государства [12, с. 31–45].

Противоположную точку зрения отстаивали деятели либерального направления. Большая часть интеллигенции и прогрессивный слой бюрократии основную опасность существованию государства усматривали в незавершенности реформ, в отсутствии системного подхода к их реализации. Динамичное развитие экономики и социальных процессов требовало, с их точки зрения, отказа от жесткой и статичной по своему характеру системы неограниченного самодержавия. В новых условиях, полагали они, стабилизация режима возможна лишь на путях политики доверия между администрацией и обще-

ством, причем власть должна не уступать оппозиционным давлениям, а возглавлять и направлять процесс адаптации режима к новым политическим реалиям. Уже в 1860-е гг. в верхах либеральной бюрократии появляются первые конкретные проекты мягкого изменения государственного строя в сторону общественного представительства. В 1863 г. министр внутренних дел П. А. Валуев, в 1866 г. председатель Государственного Совета Великий князь Константин Николаевич (брат Александра II), в 1874 г. шеф жандармов П. А. Шувалов и, наконец, в 1881 г. министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов выдвинули проекты подключения выборных земских и дворянских представителей к законосовещательной деятельности на высшем уровне. Все эти проекты по разным причинам были отклонены. Однако сам факт их появления свидетельствовал о том, что дальновидные сановники начинали понимать противоречивость складывавшейся по ходу преобразований ситуации. Образование выборных и к тому же всеобщих земств и городских дум, а также новых судов с несменяемостью судей, присяжными заседателями и гласностью судопроизводства вносили неизбежный разлад в целостную до тех пор систему самодержавного управления. Значительная часть общественной жизни выходила из-под административного контроля, и ничего хорошего для старой власти такое положение не сулило [13, с. 15–66].

Особенно показательной была эволюция земских учреждений, введенных в 1864 г. для подъема местной жизни – просвещения, здравоохранения, средств сообщения, экономики и т.п. По мере накопления опыта деятели земских учреждений все настойчивее стали заявлять о необходимости расширения своей компетенции, о том, что хозяйственное положение и культурный уровень народа невозможно улучшить без изменения режима власти, что политически бесправное земство не может иметь эффективных механизмов для проведения в жизнь собственных программ. Между тем местная и центральная администрация с большой подозрительностью смотрела на деятельность новых общественных учреждений и, опасаясь конкуренции, всячески стесняла и ограничивала их работу.

Ограничение прав и компетенции земских учреждений в 1860-е гг. объяснялось отчасти низким уровнем общественного самосознания и полным отсутствием опыта подобной деятельности. Однако вставшее на путь модернизации правительство должно было видеть перспективы и учитывать отдаленные политические последствия устройства выборного самоуправления. В совершенно несвойственных самодержавно-бюрократическому строю учреждениях стала постепенно концентрироваться политическая оппозиция. Это был очень опасный для власти процесс, так как в земствах

работали не утописты и мечтатели, а люди практического дела, чей престиж в глазах общества неуклонно возрастал. Такое положение усиливало изоляцию властных структур от общества.

Нараставшее отчуждение власти от новых общественных процессов в начале XX в. создало исключительно благоприятную почву для развития революционного движения. Причем с особой силой оно развивалось в крайних формах радикального социализма. Большая доля ответственности за развитие такой тенденции лежала на устаревшем режиме самодержавной власти. Пробудившиеся стремления молодой интеллигенции к обновлению страны не находили практической почвы, а чрезмерная подозрительность и непоследовательность администрации толкали часть учащейся молодежи к крайним формам политической деятельности. Питательной почвой быстро развивавшегося радикализма была и резкая контрастность в положении верхов и низов русского общества. Скучная жизнь широких масс народа и их полное политическое бесправие способствовали распространению в среде оппозиционной интеллигенции идейного и политического экстремизма. В разгоревшейся в начале века борьбе революционных сил против самодержавия сочувствие либерального общества было, как правило, не на стороне последней. Упрямо отказывая обществу в доверии, власть в конечном счете обессиливала себя, что создавало русским революционерам благоприятные шансы на политический успех в недалеком будущем. Царствование последнего русского царя было в этом отношении особенно характерным. В январе 1895 г., едва вступив на престол, он категорически отверг ходатайства видных земских деятелей о расширении компетенции и установлении политики доверия.

В ответ либеральная оппозиция начала настоящую войну против монарха и его правительства. Вскоре земские активисты создали основные либеральные партии и сыграли главную роль в ходе разгоревшейся революции 1905–1907 гг. Но уже тогда многие либералы могли почувствовать, что народные волнения в России не удерживались в рамках «цивилизованной умеренности», а тяготели к радикальным конфискационным решениям, или, иначе говоря, к бунту и анархии. Борьба против политической системы самодержавия грозила обернуться уничтожением основ и либерального правопорядка.

Политический кризис самодержавия резко обострился и из-за неудержимого роста националистических движений на окраинах империи. Лидеры национальной интеллигенции связывали процесс либерализации с правом на самоопределение входивших в состав Российской империи народов. Призывы покончить с национальным гнетом находили все более широкую поддержку в кругах национальной буржу-

азии и даже бюрократии. Требования раздела России по национальному признаку включались в программы практически всех революционных кружков и партий, видевших в самодержавии общего врага. Политика модернизации, обеспечившая рост промышленного потенциала и культуры общества, оказалась чреватой угрозами разрушения единства Российского государства. Властные структуры российской монархии вплоть до своего крушения не имели ясного представления о тех угрозах, которые таила национальная проблема. В начале XX в. верховная власть вообще не считала, что у населения окраин есть какие-либо особые интересы, и продолжала верить, что политика русификации будет благотворной для всех национальных меньшинств. Были предприняты меры по ограничению автономии Финляндии, усиливалось русское влияние в Польше и т.д. Иллюзорность такой политики стала очевидной в период революции 1905 г. Резкое ослабление императорской власти и начавшееся изменение государственного строя сопровождалось быстрым ростом сепаратистских настроений в Польше, на Украине, на Кавказе и даже в Средней Азии. Многие государственные и общественные деятели уже в начале царствования Николая II считали, что быстрая либерализация политической системы страны неминуемо приведет к ее распаду.

Таким образом, внутреннее положение России на грани веков отличалось динамичным, но крайне несбалансированным и неустойчивым развитием. Экономические и политические диспропорции сопровождалась все более сильным отчуждением власти от общества, что создавало особо благоприятные шансы для развития революционного процесса в его крайних и даже экстремистских, в том числе террористических формах. Основным творцом организованной оппозиции самодержавной власти являлась русская интеллигенция, не имевшая прочных связей ни с верхами, ни с низами общества, но принявшая на себя миссию выступать во имя народных интересов.

Конечно, все многообразие событий прошлого невозможно объяснить никакими схемами. Нельзя, очевидно, согласиться с мнением о фатальной или роковой неизбежности революционного крушения императорской России. Исторический процесс – это еще и комбинация человеческих ошибок и удач, подвигів и злодейств, талантов и бездарностей. И все-таки надо признать, что для революции в России была весьма благоприятная почва.

На внутреннее состояние России огромное воздействие оказывала международная ситуация и политика великих мировых держав. Судьбоносное значение для страны имело ее вступление в военно-политический союз с Францией и Великобританией. Антанта, как известно, стала основным соперником

Тройственного союза государств Центральной Европы во главе с Германией. Для России это был трудный выбор. Объективно говоря, конфликт с Германией совершенно не соответствовал экономическим и политическим интересам абсолютного большинства русских людей. Германия была основным торговым партнером России в Европе. Она являлась главным импортером русской сельскохозяйственной продукции. В свою очередь, германские инвестиции играли большую роль в развитии русской промышленности и транспорта. Между двумя странами в начале XX в. не было серьезных территориальных споров. Надо признать, что в начале века германское руководство пыталось установить с Российской империей добрососедские и даже союзные отношения. Летом 1905 г. кайзеру Вильгельму II удалось убедить русского царя в политических выгодах союза, и Николай II подписал соответствующий документ. Однако государственные деятели России, ориентировавшиеся на союз с Францией и заинтересованные в кредитах парижских банков, сумели разрушить намечавшееся сближение. Впрочем, в России оставалось немало дальновидных политиков, искренне полагающих, что ухудшение отношений с Германией ничего хорошего нашей стране не принесет. В феврале 1914 г., т.е. в самый канун Мировой войны, бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново представил Николаю II обширную аналитическую записку, в которой изложил соображения по поводу возможного военного конфликта с Германией. Отражая мнение многих единомышленников, П. Н. Дурново настойчиво убеждал царя, что борьба с Германией совсем не отвечает жизненным интересам России. Более того, подчеркивал он, такой конфликт приведет к тяжелым социально-политическим потрясениям во всей Европе. Нельзя не предвидеть, писал П. Н. Дурново, «что, при исключительных условиях надвигающейся общеевропейской войны, таковая, опять-таки независимо от ее исхода, представит смертельную опасность и для России, и для Германии. По глубокому убеждению, основанному на тщательном многолетнем изучении всех современных противогосударственных течений, в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая силою вещей, перекинется и в страну-победительницу» [14, с. 97–99].

Наши страны, подчеркивал автор записки, за много лет мирного сожительства соединились столь многочисленными каналами, что коренные социальные потрясения, разыгравшиеся в одной из них, неминуемо перекинутся и на другую. Но особенно благоприятную почву для социальных бурь представляет Россия, «где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма». Не имеющий прочных культурных связей со своей интеллигенцией, русский простолудин, рабочий и

крестьянин, «одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных». Русский крестьянин, отмечал П. Н. Дурново, мечтает о даровом наделении его чужой землей, рабочий – о передаче ему прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут. Но «стоит только широко кинуть эти лозунги в население, стоит только правительственной власти безвозбранно допустить агитацию в этом направлении, Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию... Война с Германией создает исключительно благоприятные условия для такой агитации». Даже победа в войне не сулит русскому народу ничего хорошего. «Но в случае неудачи, возможность которой при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, – социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна.

Как уже было указано, начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишены действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» [там же].

Точность политического прогноза отставного министра не может не удивлять. Однако никакой мистики в предсказаниях П. Н. Дурново не было. Все его предостережения были построены на внимательном и добросовестном изучении протекавших в России социальных процессов. Автор записки точно определил расстановку основных общественных сил и линию их поведения в определенной ситуации. Наряду с этим, вдумчивый современник совсем не исключал возможности избежать социальной катастрофы. Он прямо

подчеркивал, что правильный выбор внешнеполитических приоритетов при умелой нейтрализации оппозиции давали шансы на мирное разрешение стоявших перед Россией проблем. Однако руководство страны предпочло другой курс, а историкам представилась возможность сформулировать закономерности разразившихся в стране потрясений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минц И. И. История Великого Октября / И. И. Минц. – М., 1967. – Т. 1.
2. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. – СПб., 1999. – Т. 2.
3. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века / Б. Н. Миронов. – М., 2010.
4. Карпачев М. Д. Умом Россию понимая / М. Д. Карпачев // Новый мир. – 2000. – № 6.
5. Нефедов С. А. К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России / С. А. Нефедов // Российская история. – 2011. – № 1.
6. Островский А. В. О степени социального расслоения в дореволюционной России / А. В. Островский // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 г. : проблемы истории и историографии» : сборник докладов. – СПб., 2013.
7. Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1973. – Т. 5. – 584 с.
8. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. – СПб., 1906.
9. Кризис самодержавия в России. 1895-1917. – Л., 1984.
10. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. – М., 1987. – Т. 1.
11. Китанина Т. М. Хлебная торговля в России в 1875-1914 гг. / Т. М. Китанина. – Л., 1978.
12. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени / К. П. Победоносцев. – М., 1993.
13. Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. / В. Г. Чернуха. – Л., 1978.
14. Искендеров А. А. Российская монархия, реформы и революция / А. А. Искендеров // Вопросы истории. – 1999. – № 3.

Воронежский государственный университет

Карпачев М. Д., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России
E-mail: m-karpach@mail.ru
Тел.: 8 (473) 224-75-14

Voronezh State University

Karpachev M. D., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Russian History Department
E-mail: m-karpach@mail.ru
Tel.: 8 (473) 224-75-14